

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Ю. Д. Артамонова
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: Российские исследования исторической памяти в основном посвящены проблемам политики памяти; при этом упускаются из виду объективные механизмы функционирования исторической памяти. Проанализировав ряд предложенных механизмов и показав их проблематичность, автор предлагает сопоставить социологические исследования восприятия фигур и событий истории России разными возрастными группами и когнитивные исследования памяти, чтобы выявить некоторые механизмы организации коллективных исторических представлений. Выявлены следующие механизмы. 1. Как и в индивидуальной памяти, в коллективной мы имеем дело не с сюжетным упорядочиванием событий — историческая память не выстраивает события в устойчивую последовательность. 2. Любое «ключевое» (т. е. попросту запомнившееся) событие существует в исторической памяти через малое число «основных» действий (например, Петр I воспринимается как «прорубивший окно в Европу» и модернизировавший Россию, при этом указать, какие именно реформы провел Петр I, респонденты затрудняются). 3. Эти «основные действия» не нейтральны, а эмоционально окрашены. 4. Это эмоциональное окрашивание довольно интенсивно и обычно полярно (строго позитивно или строго негативно). 5. Эта эмоциональная полярность достаточно устойчива. 6. Из этой памяти «извлекается» именно «основное действие» (лозунг празднования Победы — «Если надо, повторим»). Выявленные механизмы говорят о невозможности создать консенсусный исторический нарратив.

Ключевые слова: историческая память, схема, опыт.

Информация об авторе: Юлия Дмитриевна Артамонова — кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

Дата поступления статьи: 06.12.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 29–40.

Говоря о коллективной исторической памяти, как минимум, мы предполагаем, что речь идет о представлениях, общих всем членам определенной группы (1); это именно память, а не просто знания, поэтому эти представления не нейтральны, а окрашены позитивно или негативно (2); это не просто набор знаний, а пригодный к использованию опыт (или опыт, кажущийся таковым) (3).

В одной из первых комплексных моделей, предложенной М. Хальбваксом и интенсивно критикуемой в настоящее время, речь идет о живой культурной памяти, и ко-

дирование событий выглядит следующим образом: «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. <...> В таком смысле получается, что существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [23, с. 28–29].

Отметим здесь, что М. Хальбвакс при построении данной модели делает два допущения. Во-первых, он предполагает «консенсусное» прошлое, непрерывность исторической памяти и единого субъекта этой памяти. Во-вторых, он берет за основу научное освоение мира.

Оба допущения неочевидны. Во-первых, можно указать на феномен «забытого прошлого», который тонко подмечают, в частности, П. Рикер [17] и Ф. Анкерсмит [1], или разрывы памяти, проанализированные П. Нора [15]. Во-вторых, модель М. Хальбвакса предполагает исторический консенсус — историческая память постоянно транслируется, картина уточняется и обогащается, укрепляя и далее идентичность и консенсус. В-третьих, автор верит в возможность «убрать» конструирование в коллективной памяти — однако любое общество живет в некоторой смысловой «рамке», за счет которой часть событий просто может быть банально «незаметной», не говоря уже об идеологическом переконструировании истории, с которым мы встречаемся достаточно часто в разных странах в XX в. В-четвертых, эти представления актуализируются, являясь коллективным и социальным опытом и руководством к действию, и здесь мы подмечаем внутреннее противоречие — чем многогранней явление и множественней интерпретации, тем шире спектр «практических выводов», которые можно извлечь. М. Хальбвакс же предполагает, без серьезных обоснований, «сходимость» всех возможных интерпретаций. Я. Ассман, в частности, пишет о том, что автор не ограничился анализом «социальных рамок» памяти, а «пошел еще дальше, объявив коллектив субъектом памяти и воспоминания, создав понятия «групповая память» и «память нации», в которых понятие памяти оборачивается метафорой» [3, с. 37]. И, наконец, в модели Хальбвакса предполагается научное осмысление событий; но научный аппарат — специальный навык, которые долго ставится; даже будучи поставленным, он далеко не всегда срабатывает.

Тем не менее данная модель обладала стройностью — он полагал компонентами исторической памяти значимые представления конкретного субъекта, которые также известны другим субъектам и значимы для них. Как только мы оспариваем его допущения о едином коллективном субъекте памяти и едином последовательном и обогащающемся нарративе, мы встречаемся со следующими серьезными затруднениями.

Во-первых, непроясненным и проблематичным становится источник единства этой памяти. Во-вторых, не столь очевидна ее структура — если это не все представления, и к тому же разделяемые не всеми людьми, то непонятно, что входит и что не входит в эту совокупность и каковы основания включения (исключения) компонентов. В результате память рассматривается как многоуровневое и нестройное образование. К тому же в рамках такого допущения она становится конструктом, и остро встает вопрос о ее сознательном и бессознательном конструировании. В-третьих, становится проблематичным и статус этого образования как памяти: если она уже не служит коллективному субъекту для его диалектической самоидентификации (т. е. прояснения и расширения сферы опыта), то как и для чего она функционирует?

Эти трудности явно или неявно дают себя знать. И теоретические штудии феномена исторической памяти, и его эмпирические исследования сталкиваются с этими трудностями и предлагают свои решения.

Попробуем взглянуть на конструкцию исторической памяти как на механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся достоянием не индивидуального, а минимально коллективного сознания (группы и более широких общностей), учитывая достижения прежде всего когнитивной психологии, а также эмпирические данные о характере исторической памяти.

1. Историческая память — не последовательный нарратив, в котором есть взаимосвязь событий и даже банальная последовательность.

Одним из первых исследования в данном ключе начинает Ф. Барлетт. Проводя опыты по запоминанию текста, он введет такое понятие, как «схема»; обработка определенного типа ситуаций не является организуемой каждый раз заново — существует некий динамический прототип, устойчивый, однако реорганизуемый в каждой конкретной ситуации: «...прошлое действует больше как некая организованная масса, нежели группа элементов, в который каждый элемент хранит свой собственный признак» [24, р. 197]. Согласно исследованиям Барлетта, текст запоминается не через последовательность сюжетной линии, а через центральное событие; однако последнее существует не в полноте своих характеристик.

Многие исследования показывают, что последовательный нарратив — культурный навык, сложившийся в эпоху модерна, а не логика действительного функционирования памяти [2; 5; 9; 19; 21]. Между тем ряд исследователей до сих пор настаивают на необходимости конструирования целостного и неразрывного нарратива. Здесь, видимо, ключевой является идея Дж. Де Воса, который подчеркивает, что этническая идентичность как раз направлена в прошлое в отличие от других форм групповой идентичности, отсюда и произрастают идеи «целостного исторического нарратива» и т. д. Например, Т. В. Евгеньева и А. В. Селезнева утверждают: «В ситуации поиска российским обществом оснований для формирования национально-государственной идентичности особое значение приобретает <...> направление, связанное с целенаправленной деятельностью по “возвращению” в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина» [7, с. 165]; О. Ю. Малинова, фиксируя отсутствие связности в дискурсе о прошлом в России в рамках концепции «суверенной демократии», считает отсутствие цельности серьезной оплошностью: «<...> требовалось не только напомнить о самобытности российского пути, но и связать национальное прошлое с идеей демократии, а также обнаружить в нем параллели с историей европейских стран, дабы придать основательность притязаниям на актуальное (а не потенциальное, как в традиционных западных схемах) подобие и равенство с “Западом”. Нетрудно заметить, что при решении этой задачи авторы “суверенной демократии” довольствовались “точечным” переопределением отдельных событий и символов коллективного прошлого, не посягая на формирование целостного нарратива...» [11, с. 124].

Однако для большинства исследователей историческая память не последовательный нарратив. Исследователи вынуждены подчеркивать принципиальное «неединство» исторической памяти и искать принцип, по которому события «включаются» в общую канву, обрабатываются и упорядочиваются. А. В. Полетаев и И. М. Савельева

справедливо замечают: «Интерес к теме “исторической памяти” реализуется не только в попытках определить содержание социальных представлений о прошлом, но и в стремлении выявить механизмы их формирования. Наиболее доступной для анализа оказалась политическая (точнее, властная) составляющая этого процесса. Именно поэтому “политика памяти” выглядит самой разработанной в исторических работах, ориентированных на проблематику “исторической памяти” <...>. “Историческая память”, в контексте “политики памяти”, трактуется преимущественно как функция власти, определяющей, как следует представлять прошлое. Поэтому востребованность такого понятия, как “политика памяти”, отражает и смену интересов в предметной области, в результате которой целый ряд историков переключился с изучения идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории — на культурную политику» [20, с. 503–504].

Однако подчеркнем, что, несмотря на то что многие российские исследователи видят проблематику «исторической памяти» именно в «политике памяти», т. е. анализе действий властных структур данного общества по формированию и трансляции интерпретаций прошлого, само понятие «исторической памяти» шире. Достаточно привести два банальных соображения. Во-первых, само понятие памяти предполагает, что есть отбор — ведь есть удерживаемое в этой памяти, а есть «забываемое»; вряд ли любой организм мог бы функционировать, «удерживая в памяти» все с ним происходившее. Считать все «пропуски», «сокращения», «переинтерпретации» продуктом политики памяти — явное преувеличение. Однако именно это и происходит. Во-вторых, если не придерживаться утверждения «все есть политика», то следует все-таки признать, что историческая память формируется под влиянием индивидуального социального опыта, а он вряд ли на 100% является результатом культурной политики, хотя бы потому, что она по-прежнему не охватывает все моменты жизни человека. Поэтому проблема механизма исторической памяти намного шире проблем «политики памяти».

И в рамках теоретических штудий [1; 13; 17; 21], и эмпирических исследований предложен огромный спектр упорядочивающих схем, «работающих» в рамках исторической памяти. Например, в рамках проекта «Youth and History» (1995), было проведено комплексное исследование исторического сознания молодежи во всех странах Европы (32 000 подростков), в качестве ориентира предложена предельно широкая схема, базирующаяся на идее исторического и социального пространства и времени — модель Х. Ю. Панделя. Он предлагал анализировать историческое сознание детей и молодежи через семь взаимосвязанных категорий: сознание времени (вчера, сегодня, завтра), сознание действительности (реальное-воображаемое), сознание историчности (статичное-изменчивое), сознание идентичности (мы-они), политическое сознание (вверху-внизу), социально-экономическое сознание (богатый-бедный), моральное сознание (правильное-неправильное) [26]. Но даже если брать ее за основу (а схема мыслится как комплексная), на практике оказывается, что часть ее сложных звеньев опускается. Например, сами участники проекта «Youth and History» отмечают, что в практиках преподавания истории реализуются определенные узкие интерпретации данной схемы. Б. фон Боррис говорит, например, о различных культурах преподавания истории в европейских рамках — для развивающихся и небогатых стран Южной и Восточной Европы характерны в первую очередь именно моральные интерпретации истории [25].

А О. Ю. Малинова, например, использует метафору «коллаж», характеризуя способ интерпретации истории в рамках концепции суверенной демократии: «Привлекая

прошлое для подкрепления своих идеологических конструкций, участники дискуссий о “суверенной демократии” работали с ним в технике коллажа: они спешили заполнить контуры “удобной” в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов» [11, с. 125].

При таком анализе феномена коллективной исторической памяти необходимо выделить следующие важные моменты.

2. Любое событие сохраняется не в полноте своих характеристик, а как «основное действие».

Именно об этом довольно часто говорят исследователи, например: «В самом общем виде можно сказать, что знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. С этой точки зрения, знание или незнание исторической конкретики (дат, событий, личностей) само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных представлений о прошлом в целом» [6]. Этот вывод коррелирует и с эмпирическими данными. Например, знакомая каждому россиянину фигура Петра I существует в исторической памяти отнюдь не в полноте и тем более полифоничности своей деятельности, как свидетельствуют исследования Института психологии РАН и Московского городского психолого-педагогического университета, проведенного в 2012 г. и охватывающего 585 респондентов разных возрастных когорт в Москве. «При помощи тематического контент-анализа ответов на открытые вопросы были выявлены содержащиеся в коллективной памяти респондентов наиболее яркие сферы деятельности Петра I. 42% опрошенных ответили, что Петр I открыл “окно в Европу”, то есть наладил связи России с европейскими странами и способствовал общей европеизации жизненного уклада внутри страны. Вторым по частоте упоминаний (16%) значимым для респондентов достижением императора является создание *морского флота*. На третьем месте среди важных достижений оказалась *реформаторская деятельность* Петра I (13% упоминаний). Причем в большинстве случаев респонденты не давали указания на конкретные реформы, а говорили об абстрактных “массовых”, “крупных” реформах, повлиявших на жизнь всей страны. Статистически значимых отличий между ответами респондентов из разных возрастных групп найдено не было» [8].

3. Это событие представлено через основное действие, которое не нейтрально — оно соотносится с жизненным опытом.

Ю. Хабермас и Г. Козеллек показывают, что на рубеже XVIII–XIX вв. история начинает пониматься как изменения типов действия человека, что понятийно и закрепляется в понятии «модерна»: «...мир модерна отличается от старого тем, что <...> в каждом моменте современности, порождающей новое из себя самой, повторяется и приобретает характер непрерывности процесс зарождения новой эпохи заново, так происходит снова и снова» [22, с. 12]. История теперь предполагает новое действие; при этом речь не идет о власти прошлых образцов действия, а о действии в меняющейся ситуации. Прошлое рассматривается как комплекс исторических примеров для анализа и выводов — «нет никакого ожидания без опыта и нет никакого опыта без ожидания» [9, с. 152]. Очевидно, что нас привлекают в прошлом такие действия, которые соотносятся каким-либо образом с нашими действиями здесь и сейчас.

Эти теоретические выкладки подтверждаются результатами эмпирических исследований. Так, ученые Института социологии РАН по итогам двух штудий: масштабного исследования РНИСНП совместно с Фондом Эберта 1999 г., охватившего 3000 человек разных возрастных когорт в 24 субъектах РФ, а также проведенного Институтом

социологии РАН в 2007 г., тонко подмечают: «Петровские реформы ближе всего по духу студенчеству и тем, кто уже закончил вуз. В этой группе уровень симпатий к Петру I и его эпохе выше среднего — 47%, тогда как в группе имеющих образование не выше среднего — 36%. В середине 1990-х годов доля поклонников Петра I среди молодежи с высшим образованием также была выше и составляла 65%. Для объяснения такой динамики правомерно связать историю с социальным опытом сегодняшнего дня. Кто такой Петр I, какую идею и какие явления общественной жизни он символизирует? В глазах “среднего” россиянина он прежде всего твердый и последовательный реформатор и “западник”. Снижение значения образа Петра в глазах населения, в том числе наиболее образованной и приобщенной к процессам модернизации части молодежи, естественно интерпретировать как следствие некоторого разочарования в реформаторстве и “западничестве» [4, с. 203].

С их выводами согласна и Т. П. Емельянова, считающая, что значимой фигурой для населения России сегодня Петра I делает существующий у населения запрос на реформы своей жизни. При этом каждая возрастная когорта «видит» тот срез реформ, который существенен для нее: «Анализируя ядерные элементы представлений о Петре I, можно видеть, что у старшей когорты ведущие места занимают элементы “Нововведения в армии и флоте” и “Период активной внешней политики и войн” <...>. Возникает предположение, что старшие респонденты высоко оценивают военные реформы и военные победы императора в сопоставлении с обороноспособностью современной России и косвенно проявляют таким образом свою озабоченность <...>. Средняя возрастная когорта через ядерные элементы представлений демонстрирует, прежде всего, свою заинтересованность реформаторской деятельностью Петра I: “Конец XVII – начало XVIII века — время реформ в России”, “Необходимость реформирования России в этот период”, “Петр I поднял Россию на качественно новый уровень”, “Главная черта характера Петра I — это целеустремленность” <...>. Успехи реформ Петра I косвенно сопоставляются этими респондентами с современной реформаторской политикой, которую они не считают результативной <...>. Младшая поколенческая когорта — студенты — в своих представлениях об императоре выдвигают на первый план “Потребность в изменении старого уклада жизни”, “Установление дружеских отношений с разными странами” и “Стремление Петра I достичь уровня Европы” <...>. Тот факт, что современная Россия еще не достигла в своем общественном и гуманитарном развитии уровня ведущих европейских стран, подводит молодежь к сопоставлению этих переломных эпох. Неудовлетворенность младшей когорты отчетливо выразилась в результатах методики “Незаконченные предложения”. Современное российское общество этими респондентами оценивается как общество с низким уровнем развития (39,02%), сословное, разделенное на классы (24,39%), неудовлетворенное жизнью (9,76%)» [8].

Следует также отметить, что и бытовая интерпретация и переинтерпретация праздников показывает эту соотнесенность с текущим жизненным опытом. Вряд ли, празднуя 23 февраля и 8 марта в России, мы вспоминаем в первом случае о создании рабоче-крестьянской Красной Армии — речь идет просто о поздравлении мужчин как защитников; 8 марта тем более не является праздником развитого феминизма.

4. Речь идет об историческом опыте, а не о нейтральной информации — соответственно, конструкты полярно эмоционально заряжены — позитивно или негативно.

Интересно, что размышления теоретиков и философов истории [1; 10; 16; 17; 18] коррелируют с рассуждениями психологов [27] и данными социологов. Можно со-

слаться и на недавние жесткие споры в России вокруг установки памятников Ивану Грозному или князю Владимиру, переименования ряда станций метро («Войковская» и др.) или фильма «Матильда». В этих дискуссиях речь не идет об установлении исторических фактов; исторические события оцениваются с учетом жизненного опыта — поэтому оценки, как правило, либо нейтральны (но тогда они «не интересны», и люди не включаются в идущие дебаты), либо резко поляризованы — положительны или отрицательны.

В рамках уже упоминавшегося исследования о личности Петра I «респонденты называли пятерых наиболее значимых с их точки зрения политических деятелей в истории России <...>. Обнаружено, что Петр I является первым по упоминаниям исторических деятелей для всей выборки, занимая лидирующее место (62% упоминаний) и опережая И. В. Сталина (57%)». Обработанные при помощи тематического контент-анализа описания политических деятелей выявили «различия в эмоциональном отношении респондентов к первым в рейтинге трем историческим фигурам. Так, в описаниях Петра I преобладают позитивные оценки (69%) — *сильный, смелый, талантливый*, негативных было всего 12% (*жесткий, самодур*) и нейтральных — 19% (*высокий, неоднозначный*). В то же время в описаниях И. В. Сталина — иная ситуация — 57% оценок негативны (*жестокый, кровавый, тиран*), позитивны чуть более четверти описаний (26%, *сильный, умный, решительный*), наименьшая доля (17%) — нейтральны (*властный, неоднозначный*)» [8].

5. Эти схемы событий должны устойчиво воспроизводиться при сохранении эмоциональной полярности.

Известный антрополог Б. Малиновский так же обратил внимание на устойчивую полярность сказаний: «Эти сказания живут в памяти человека, в способе их передачи и даже в еще большей мере в совокупном интересе, который не дает им умереть, который заставляет рассказчика пересказывать их с гордостью или печалью, который заставляет слушателя внимать им с нетерпением и завистью, пробуждает надежды и амбиции» [12, с. 103–104].

Интересный феномен подмечает также российский социальный психолог А. П. Назаретян, анализируя состояние толпы в период перестройки: «Открытые шлюзы “гласности”, потоки новой информации и неожиданных интерпретаций затопили обыденное сознание, и всего через несколько лет массы наших соотечественников были склонны считать себя, свой народ и родную страну самыми худшими в мире, а каждого западного политика — средоточием всех мыслимых и немыслимых добродетелей. Многие готовы были утверждать, что “на самом деле” и Великую Отечественную войну мы не выиграли, а просто “забросали противника трупами”, и на космос зря только деньги тратили, и нации в СССР всегда друг друга ненавидели, и вообще вся наша история не содержит в себе ничего, кроме беззаконий и безобразий. А чтобы достичь вождя коммунизма (этот образ остался жестко фиксированным в подсознании), достаточно скопировать какое-нибудь “цивилизованное” государство. Это был настоящий триумф стереотипов-перевертышей. Шаблонные картины прошлого, настоящего и будущего оказались настолько ригидными, что не поддавались разрушающему воздействию, под давлением информационного урагана они только опрокидывались вверх дном» [14].

6. Это опыт — и, соответственно, он важен для принятия решений о действиях в современных условиях.

Достаточно вспомнить основной слоган празднования Победы в Великой Отечественной войне, который, кстати, разделяли представители всех социальных

групп: «Если надо, повторим». Исследователи единодушны — значимость исторических фигур и событий связана с современными запросами носителей исторического сознания. Т. П. Емельянова и А. В. Кузнецова указывают: «Именно релевантность образа Петра I актуальному запросу на реформы и преобразования, видимо, становится ключевым фактором значимости фигуры этого исторического деятеля в представлениях различных возрастных когорт» [8]. Т. В. Евгеньева также подмечает «чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям давнего прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 1990-х гг., посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас» [7].

Даже отбрасывая важные этапы дальнейших превращений интерпретированных событий в историю, о которых пишут, в частности, П. Рикер, Р. Дарнтон, Ф. Анкерсмит, Х. Уайт и другие, мы должны заметить, что в российской истории мало событий, которые безусловным большинством оценивались бы позитивно. М. К. Горшков замечает, что при ограничении опытом живущих поколений «в качестве наиболее выдающихся исторических событий России выступают достижения в области космонавтики, победа в Великой Отечественной войне, восстановление страны после военной разрухи» [4]. Остальные события в силу самих особенностей исторической памяти интерпретируются разными группами неизбежно полярно противоположно; тем самым общество раскалывается. И именно поэтому сейчас для построения гражданского мира в России достаточно проблематично использовать такой инструмент, как коллективная историческая память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- 2 Артамонова Ю. Д. Основные версии происхождения историзма // Эпистемология & философия науки. 2010. № 3. С. 169–185.
- 3 Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- 4 Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Историческое сознание молодежи // Вестник Российской Академии наук. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203.
- 5 Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 192 с.
- 6 Докторов Б. Андрей Полетаев: интервью как опыт научной биографии. Биография историка-профессионала: линии судьбы // Логос. 2015. Т. 25, № 1 (103). 2015. С. 226–288.
- 7 Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3–1. С. 158–167.
- 8 Емельянова Т. П., Кузнецова А. В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28 (электронный журнал). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (дата обращения: 30.11.2017).

- 9 *Козеллек Г.* «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» — две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
- 10 *Лавабр М. К.* Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 233–244.
- 11 *Малинова О. Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130.
- 12 *Малиновский Б.* Миф в примитивной психологии // Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 92–144.
- 13 *Междисциплинарные исследования памяти* / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Коржа. М.: ИП РАН, 2009. 283 с.
- 14 *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, избирательные и рекламные кампании // Сайт журнала «Темный лес». URL: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa.htm> (дата обращения: 30.11.2017).
- 15 *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 30.11.2017).
- 16 *Поляк М.* Память, забвение, молчание // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 191–216.
- 17 *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- 18 *Руссо А.* Черные страницы национального прошлого. Послевоенная история и историческая память // Психоанализ и науки о человеке / под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 217–232.
- 19 *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- 20 *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания (учебное пособие для вузов). СПб.: Алетей; М.: ГУ-ВШЭ, 2008. 523 с.
- 21 *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с.
- 22 *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
- 23 *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 24 *Bartlett F.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. 317 p.
- 25 *Borries B. von.* Europe's Past, Present and Future — Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study // History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History? / ed. by Joke van der Leeuw-Roord. Hamburg, 2001. P. 179–204.
- 26 *Pandel H.-J.* Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch. Pfaffenweiler, 1991. P. 1–24.
- 27 *Wagner W.* Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.

© 2018. Yulia D. Artamonova
Moscow, Russia

THE MECHANISMS OF HISTORICAL MEMORY REVISITED

Abstract: Russian studies of historical memory are mainly focused on the “memory policy” issues; at the same time, the objective mechanisms of the functioning of historical memory are overlooked. Having analyzed a number of proposed mechanisms and showed their problematic nature, the author suggests comparing sociological studies of the perception of figures and events in the history of Russia by different age groups and cognitive studies of memory in order to reveal some mechanisms for organizing collective historical representations. The following mechanisms are revealed. 1. In collective memory, as in individual, we are not dealing with the plot ordering of events — historical memory does not build events into a steady sequence. 2. Any “key” (i.e. simply remembered) event exists in historical memory through a small number of “main” actions (for example, Peter I is perceived as one who “hacked a window to Europe” and modernized Russia, while respondents find it difficult to specify exactly which reforms were conducted by Peter I). 3. These “main actions” are not neutrally, but emotionally colored. 4. This emotional coloration is rather intense and usually polar (strictly positive or strictly negative). 5. This emotional polarity is fairly stable. 6. From this memory the “main action” is “extracted” (e.g. the Victory celebration slogan is “If necessary, we will repeat”). The mechanisms revealed indicate the impossibility of creating a consensual historical narrative.

Keywords: historical memory, scheme, experience.

Information about the author: Yulia D. Artamonova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, 1, 119991 Moscow, Russia. E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

Received: December 06, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Artamonova Yu. D. The mechanisms of historical memory revisited. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 29–40. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Ankersmit F. R. *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Sublime historical experience]. Moscow, Evropa Publ., 2007. 612 p. (In Russian)
- 2 Artamonova Yu. D. Osnovnye versii proishozhdenija istorizma [The main versions of the origins of historicism]. *Jepistemologija & filosofija nauki*, 2010, no 3, pp. 169–185. (In Russian)
- 3 Assman Ya. *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo. Pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Script. Memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
- 4 Gorshkov M. K., Sheregi F. Eh. Istoricheskoe soznanie molodezhi [Historical consciousness of the youth]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*, 2010, vol. 80, no 3, pp. 195–203. (In Russian)

- 5 Darnton R. *Pojezija i policija. Set' komunikacij v Parizhe XVIII veka* [Poetry and police. Communication network in Paris in the XVIII century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 192 p. (In Russian)
- 6 Doktorov B. Andrej Poletaev: interv'yu kak opyt nauchnoj biografii. Biografiya istorika-professionalna: linii sud'by [Andrei Poletayev: interview as an experience of scientific biography. A biography of a professional historian: lines of fortune]. *Logos*, 2015, vol. 25, no 1 (103), pp. 226–288. (In Russian)
- 7 Evgen'eva T. V., Selezneva A. V. Politicheskie predstavleniya v kontekste istoricheskoy pamjati: obrashhenie k proshlomu v situacii krizisa identichnosti [Political perspectives in the context of historical memory: addressing the past in the situation of identity crisis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, no 3–1, pp. 158–167. (In Russian)
- 8 Emel'yanova T. P., Kuznecova A. V. Predstavleniya kollektivnoj pamjati ob jepohe Petra I i ego lichnosti u predstavitelej razlichnyh social'nyh grupp [Collective memory's perceptions of different social groups representatives' about the times and personality of Peter I]. *Psihologicheskie issledovaniya*, vol. 6, no 28. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 9 Kozellek G. “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidaniya” — dve istoricheskie kategorii [“Space of experience” and “horizon of expectation” — two historical categories]. *Sociologiya vlasti*, 2016, no 2, pp. 149–173. (In Russian)
- 10 Lavabr M. K. Pamjat' i politika: o sociologii kollektivnoj pamjati [Memory and politics: on the sociology of collective memory]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 233–244. (In Russian)
- 11 Malinova O. Yu. Problema politicheski “prigodnogo” proshlogo i jevoljucija oficial'noj simvolicheskoy politiki v postsovetskoj Rossii [The problem of politically “suitable” past and the evolution of official symbolical policy in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya konceptologiya*, 2013, no 1, pp. 114–130. (In Russian)
- 12 Malinovskij B. Mif v primitivnoj psihologii [Myth in primitive psychology]. *Magiya, nauka, religiya* [Magic, science, religion]. Moscow, Refl-buk Publ., 1998, pp. 92–144. (In Russian)
- 13 *Mezhdisciplinarnye issledovaniya pamjati* [Interdisciplinary studies of memory], ed. by Zhuravlev A. L., Korzh N. N. Moscow, IP RAN Publ., 2009. 283 p. (In Russian)
- 14 Nazaretyan A. P. Psihologija stihijnogo massovogo povedenija: tolpa, sluhi, izbiratel'nye i reklamnye kampanii [Psychology of spontaneous crowd behavior: crowd, rumors, electoral and advertising campaigns]. *Sait zhurnala “Temnyi les”* [The website of the journal “Dark forest”]. Available at: <http://temnyjles.narod.ru/Nzrtn/Tolpa.htm> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 15 Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati [Worldwide triumph of memory]. *Neprikosnovenny zapas*, 2005, no 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed 30 November 2017). (In Russian)
- 16 Pollyak M. Pamjat', zabven'e, molchanie [Memory, oblivion, silence]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 191–216. (In Russian)
- 17 Riker P. *Pamjat', istorija, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury Publ., 2004. 728 p. (In Russian)

- 18 Russo A. Chernye stranicy nacional'nogo proshlogo. Poslevoennaja istorija i istoricheskaja pamjat' [Black pages of national past. Postwar history and historical memory]. *Psihoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and sciences of man], ed. by N. S. Avtonomova, V. S. Stepin. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995, pp. 217–232. (In Russian)
- 19 Ryuzen. J. Utrachivaja posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamjati) [Loosing progression of history (some aspects of historical science at the junction of modernism, postmodernism and discussions about memory)]. *Dialog so vremenem*, 2001, vol. 7, pp. 8–26. (In Russian)
- 20 Savel'jeva I. M., Poletayev A. V. *Teorija istoricheskogo znanija* (uchebnoe posobie dlja vuzov) [Theory of historical knowledge (educational supply for high schools)]. St. Petersburg, Aleteya Publ.; Moscow, GU-VShE Publ., 2008. 523 p. (In Russian)
- 21 Uajt H. *Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Meta-history: historical imagination in Europe in the XIX century]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2002. 527 p. (In Russian)
- 22 Habermas Ju. *Filosofskij diskurs o moderne* [Philosophical discourse on modernity]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 416 p. (In Russian)
- 23 Halbvaks M. *Social'nye ramki pamjati* [Social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russian)
- 24 Bartlett F. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1932. 317 p. (In English)
- 25 Borries B. von. Europe's Past, Present and Future — Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study. *History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History?* Ed. by Joke van der Leeuw-Roord. Hamburg, 2001, pp. 179–204. (In English)
- 26 Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen [Historicity and sociality in history. Summary of empirical studies]. *Geschichtsbewusstsein empirisch*, Pfaffenweiler, 1991, pp. 1–24. (In German)
- 27 Wagner W. Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds. *Culture and psychology*, vol. 3(4), 1998, pp. 297–329. (In English)